

*В.С. Пруцакова**

**РУССКИЕ ВО ФРАНЦИИ 1814–1818 гг.:
СТЕРЕОТИПЫ И ФАКТЫ
(историографические заметки)**

В статье рассматриваются основные тенденции в современной российской историографии, изучающей стереотипные образы русских в восприятии французов и аналогичные образы французов в восприятии русских в период пребывания русской армии во Франции в 1814–1818 гг. Автор выделяет наиболее активно обсуждаемые современными российскими исследователями проблемы относительно тех образов врага, что существовали в рамках каждой из соответствующих национальных культур к моменту вступления российских войск на территорию Франции, а затем постепенно трансформировались в результате непосредственного общения русских военных с местными жителями.

Ключевые слова: историография, имагология, Франция 1814–1818 гг., стереотипы, казаки, российский оккупационный корпус.

Двухсотлетний юбилей начала оккупации постнаполеоновской Франции в очередной раз показал, что эта тема для российской историографии по привлекательности заметно уступает теме Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1815 гг. Между тем в немногочисленных исследованиях, посвященных пребыванию российских войск во Франции, очевидны те же тенденции, которые проявляются и в историографии борьбы с Наполеоном: изучение собственно событий уже давно отошло на второй план и уступило место исследованию культурных и ментальных феноменов¹. Большая часть усилий историков

* *Валентина Сергеевна Пруцакова, младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.*

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 14-18-01116.

¹ См. *Ивченко Л.Л.* Наполеон глазами офицеров русской армии // ФЕ 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013. С. 201–223; *Мельникова Л.В.* Антинаполеоновская пропаганда в России 1806–1814 гг.: формирование образа внешнего врага // Там же. С. 162–178; *Ржеуцкий В.С.* Московские французы в 1812 году и создание образа врага // ФЕ 2012: 200 лет Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 314–335.

направлена на разработку проблематики образов, стереотипов, представлений, формировавших ментальные поля всех участников тех событий. Среди подобных тем наибольшее внимание на сегодняшний день привлекает процесс формирования образа «Другого», в частности образа врага, при помощи различных форм воздействия на сознание широких народных масс с целью стимулирования их к борьбе с противником. Очевидно, что конструирование подобных образов в большинстве случаев носит целенаправленный характер, однако не менее очевидно, что, как и в случае с любыми ментальными образами, существует огромное множество факторов, оказывающих влияние на конечный результат.

С такого ракурса крайне привлекательно выглядит тема оккупации Франции союзными войсками в 1815–1818 гг., и, в частности – российскими. Непрерывные контакты между русской армией и местными жителями в это время активно влияли на тот образ русских, который успел сформироваться у французов к моменту вступления армии Александра I на их территорию. В то же время у российских военных также существовал уже сложившийся образ врага, который должен был претерпеть определенные изменения в ходе непосредственных контактов с французским населением. Эта коммуникация и ее результаты для трансформаций образов русских в восприятии французов и французов в восприятии русских на заключительном этапе Наполеоновских войн и в первые послевоенные годы активно изучаются отечественными историками конца XX – начала XXI в.² Вместе с тем, несмотря на уже накопленный опыт, похоже, еще нельзя говорить о сформировавшейся историографии вопроса, а можно лишь выделить некоторые проблемные сюжеты, вызывающие наибольший интерес у исследователей.

Прежде всего обращает на себя внимание стремление к четкому определению соответствующего предмета исследований. В широком смысле чаще всего говорят об образе русских или России. Однако нередко рассматриваемый предмет сужается до образа казака. Подробно этот феномен рассматривает в своих работах профессор Саратовского государственного университета А.В. Гладышев, посвятивший ряд ста-

² См.: *Gnedina-Moretti A.* Les Russes à Paris en 1814 // *La Corse, la Méditerranée, et la Russie. Seizième Journées Universitaires d'Histoire maritime de Bonifacio.* Ajaccio, 2015. P. 131–139; *Антреэ Ж.* Использование образа казака и русских во Франции во время первой реставрации // *Уральский исторический вестник* № 4 (45). Екатеринбург, 2014. С. 25–31; *Губина М.В.* Франция в восприятии русских военных – эволюция стереотипов (1814–1818 гг.) // *Россия и мир глазами друг друга.* Вып. 1. М., 2000. С. 136–141.

тей анализу мифа о казаках, который сложился у французского населения в 1814–1815 гг. и проявил удивительную живучесть в последующие десятилетия. В одной из своих статей А.В. Гладышев обращается к вопросу репрезентативности образа казака по отношению к русским и России, отмечая, что «двести лет назад для массового сознания западноевропейцев они стали одним из главных символов России»³. А между тем само определение «казак» в обывательских представлениях не всегда имело четкие границы: оно могло подразумевать как действительно казаков, так и гусар, калмыков, башкир и пр., что было связано со слабым знанием как этнографических тонкостей, так и различий в военном обмундировании разных частей союзных армий. А.В. Гладышев показывает, что в 1814 г. во Франции существовали два разных образа «казака»: один – представитель «отдельного казачьего народа» (образ, распространенный преимущественно среди сельского и другого малопросвещенного населения Франции), второй – представитель военного сословия, состоящего из различных этносов (образ, распространенный среди более образованных французов)<?>⁴. Первый вариант по понятным причинам имел более широкое хождение, что отчасти упрощало, а отчасти конкретизировало представление о том «Другом», с которым придется какое-то время делить территорию.

Несколько иначе изучаемый предмет определяет франко-российская исследовательница М.В. Губина. В своих работах она использует для обозначения образа «Другого» в данном контексте преимущественно определение «русские», очевидно, включая в него всех представителей России, присутствовавших во Франции в данный период и не выделяя каких-то отдельных, наиболее характерных элементов⁵.

В целом, формирование определенного образа в сознании местного населения, как отметил А.В. Гладышев, происходило из двух основных источников: целенаправленной пропаганды и постепенно сформировавшихся стереотипов. Второй элемент этой системы – накопленные к XIX в. французами представления о русских – на сегодняшний день имеют достаточно обширную историографию, и не только российскую. Исследователи преимущественно сходятся на том, что к моменту при-

³ Гладышев А.В. Казаки во Франции 1814 г.: образ и коллективная память // Уральский исторический вестник. 2014. № 4(45). С. 15.

⁴ Гладышев А.В. Указ. соч. С. 16.

⁵ См. Губина М.В. Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814–1818 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 153.

хода русской армии во Францию ее население уже обладало почерпнутыми из различных источников стереотипными представлениями о русских в целом и о казаках в частности, а может и в большей степени. В дальнейшем французская пропаганда активно использовала существовавшие стереотипы для поддержания нужного настроения в народе. Результатом этих пропагандистских усилий, по мнению А.В. Гладышева, стало смешанное чувство страха и любопытства, наполнявшее местных жителей перед встречей с «северными варварами»⁶.

Особое внимание исследователей привлекают средства искусственного формирования образа «Другого» в сознании населения как часть информационной войны, которая, как известно, является существенным дополнением непосредственных боевых действий. А.В. Гладышев обращает внимание на широкий спектр подобных средств: периодическая печать, различные агитационные памфлеты, театральные постановки и пр. Анализ специфики подачи нужной информации через периодическую печать подробно рассмотрен им в статье «"Казаки" и антирусская наполеоновская пропаганда в 1814 году»⁷. Здесь автор отмечает, что в кампании 1814 г. пропаганда использовалась чрезвычайно активно, гипертрофируя в сознании населения ранее сложившийся стереотипный образ казаков и муссируя тему их жестокости, бесчинств в отношении мирного населения и т.д. В свою очередь периодика оставалась тесно связанной с различными научно-популярными работами, специфика которых заключалась в большей авторитетности и привлекательности для читающей публики. Эти работы, пересказывавшие одна другую, создавали специфическое информационное поле, в котором образы практически уже не обновлялись и старые стереотипы «подтверждались» простым повторением. Одновременно подобные научно-образные сочинения служили «авторитетным» источником для газетчиков, подтверждавших ссылками на них свои сообщения⁸.

Особенность самого последнего этапа Наполеоновских войн заключается в быстротечности военного противостояния, перешедшего затем в фазу мирного сосуществования на одной территории и преимущественно бытовом взаимодействии русских и французов, когда все сформировавшиеся в военное время стереотипы проходили проверку прак-

⁶ Гладышев А.В. Казаки во Франции 1814 г. С. 17.

⁷ Гладышев А.В. «Казаки» и антирусская наполеоновская пропаганда в 1814 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2014. Т. 14. № 2. С. 70–76.

⁸ Гладышев А.В. Казаки во Франции 1814 г. С. 17.

тикой непосредственного общения. Изучением особенностей межкультурного взаимодействия русской армии с местным населением в период ее нахождения на территории Франции занимается ранее уже упомянутая франко-российская исследовательница М.В. Губина⁹. На основе официальных документов – отчетов префектов, супрефектов, мэров и др. – она анализирует опыт прямых контактов российских военных с французским населением за время нахождения российского оккупационного корпуса во Франции. По ее словам, основную массу населения занимала прежде всего сугубо практическая сторона взаимодействия с иностранными военными: питание, гигиена, торговля, а возникавшие в ходе этого общения противоречия носили преимущественно бытовой характер: мелкое воровство, хулиганство и пр. Крайне редко регистрировались столкновения из-за межкультурных конфликтов, озлобленности местных жителей против оккупантов или, напротив, стремления последних доминировать над побежденными. Таким образом, с одной стороны, существовавшие у местного населения стереотипы претерпевали определенную трансформацию под влиянием опыта прямых контактов, с другой стороны – они продолжали подпитываться официальной пропагандой, которая, как отмечает М.В. Губина, частично продолжала работать в прежнем русле: даже официальные документы продолжали воспроизводить стереотипные характеристики поведения казаков, не приводя, однако, в подтверждение каких-либо конкретных примеров. В то же время проявлявшаяся по отношению к правонарушителям из числа нижних чинов суровость военной юстиции и командного состава русского оккупационного корпуса трактовалась как свидетельство того самого варварства, которое было «присуще русским», о чем, мол, не единожды предупреждали «знающие люди».

Помимо проблематики межкультурного взаимодействия русских и французов история пребывания русских войск во Франции позволяет рассмотреть такой интереснейший аспект имагологии, как превращение в общественном мнении при определенных условиях образа «Своего» в образ «Другого». В этом отношении весьма показателен пример оккупационного корпуса М.С. Воронцова, слухи о «порче» которого стали активно распространяться в России уже после года его нахождения

⁹ См.: *Goubina M.* La perception réciproque des Français et des Russes d'après la littérature, la presse et les Archives 1812–1827. Thèse pour obtenir le grade de Docteur de l'Université Paris IV. 2007. [Электронный ресурс] – URL: http://www.theses.paris-sorbonne.fr/these_goubina/paris4/2007/these_goubina/html/index-frame s.html.

во Франции. В данном контексте изучение истории этого корпуса имеет более давнюю традицию, а на современном этапе разрабатывается в контексте политической борьбы внутри императорского двора. Именно об этом идет речь в книге профессора М.А. Давыдова «"Оппозиция Его Величества": дворянство и реформы в начале XIX века»¹⁰. Говоря о деятельности М.С. Воронцова во Франции, автор анализирует слухи о вольнодумстве в корпусе, которыми полнится императорский двор. В этом смысле фигура Воронцова стала для окружения царя олицетворением «Другого» и, отчасти, даже «Врага», но уже не того врага, которого российская армия изгнала со своей территории в 1812 г., а того, что двумя десятилетиями ранее сверг с французского трона легитимную династию. О том, что подобные страхи были небезосновательны, несколько ранее писала О.В. Орлик в работе «Государственные люди России первой половины XIX века: пути и судьбы. Очерки»¹¹. Подвергнув детальному анализу деятельность С.И. Тургенева, являвшегося заведующим дипломатической частью при корпусе М.С. Воронцова, она пришла к выводу, что именно тогда в головах многих «прогрессивно настроенных офицеров» и возникли идеи, которые в дальнейшем привели к восстанию 14 декабря.

Подводя итог, отмечу, что хотя разработка проблематики межкультурного взаимодействия русских и французов в период пребывания союзных оккупационных сил во Франции 1814–1818 гг. началась относительно недавно, накопленный к настоящему моменту опыт показывает, что соответствующий материал представляет собою весьма плодородную почву, возделывание которой с помощью методов исторической антропологии и имагологии способно дать чрезвычайно интересные результаты.

Список литературы

Антрэ Ж. Использование образа казака и русских во Франции во время Первой реставрации // Уральский исторический вестник № 4 (45). Екатеринбург, 2014. С. 25–31. [Antrje Zh. Ispol'zovanie obraza kazaka i russkih vo Francii vo vremja pervoj restavracii // Ural'skij istoricheskij vestnik № 4 (45). Ekaterinburg, 2014. S. 25–31].

¹⁰ Давыдов М.А. Оппозиция его величества. М., 2005.

¹¹ Орлик О.В. Государственные люди России первой половины XIX века: пути и судьбы. Очерки. М., 2000.

- Безотосный В.М., Иткина Е.И. Русские казаки в Париже в 1814 году. М., 2012. [Bezotosnyj V.M., Itkina E.I. Russkie kazaki v Parizhe v 1814 godu. M., 2012].
- Гладышев А.В. «Казаки» и антирусская наполеоновская пропаганда в 1814 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2014. Т. 14. № 2. С. 70–76. [Gladyshev A.V. «Kazaki» i antirussskaja napoleonovskaja propaganda v 1814 godu // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2014. T. 14. № 2. S. 70–76].
- Гладышев А.В. Казаки во Франции 1814 г.: образ и коллективная память // Уральский исторический вестник. 2014. № 4(45). С. 15–24. [Gladyshev A.V. Kazaki vo Francii 1814 g.: obraz i kollektivnaja pamjat' // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2014. № 4(45). S. 15–24].
- Губина М.В. Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814–1818 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 153. [Gubina M.V. Osobennosti obraza Rossii i russkih v soznanii francuzskih sovremennikov v 1814–1818 gg. // Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovosprijatija. Vyp. 2. M., 2002. S. 153].
- Губина М.В. Франция в восприятии русских военных – эволюция стереотипов (1814–1818 гг.) // Россия и мир глазами друг друга. Вып. 1. М., 2000. С. 136–141 [Gubina M.V. Francija v vosprijatii russkih voennyh-jevoljucija stereotipov (1814–1818 gg.) // Rossiya i mir glazami drug druga. Vyp. 1. M., 2000. S. 136–141].
- Давыдов М.А. Оппозиция его величества. М.: Зебра Е, 2005. [Davydov M.A. Opozicija ego velichestva. M.: Zebra E, 2005].
- Ивченко Л.Л. Наполеон глазами офицеров русской армии // ФЕ 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013. С. 201–223. [Ivchenko L.L. Napoleon glazami oficerov russoj armii // FE 2013: «Russkaja kampanija» Napoleona: sobytija, obrazy, pamjat'. M., 2013. S. 201–223].
- Мельникова Л.В. Антинаполеоновская пропаганда в России 1806–1814 гг.: формирование образа внешнего врага // ФЕ 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013. С. 162–178. [Mel'nikova L.V. Antinapoleonovskaja propaganda v Rossii 1806–1814 gg.: formirovanie obraza vneshnego vruga // FE 2013: «Russkaja kampanija» Napoleona: sobytija, obrazy, pamjat'. M., 2013. S. 162–178].
- Орлик О.В. Государственные люди России первой половины XIX века: пути и судьбы. Очерки. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. [Orlik

O.V. Gosudarstvennye ljudi Rossii pervoj poloviny XIX veka: puti i sud'by. Oчерki. M.: In-t ros. istorii RAN, 2000].

Ржеуцкий В.С. Московские французы в 1812 году и создание образа врага // ФЕ 2012: 200 лет Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 314–335 [Rzheuckij V.S. Moskovskie francuzy v 1812 godu i sozdanie obraza vruga // FE 2012: 200 let Otechestvennoj vojny 1812 goda. M., 2012. S. 314–335].

Gnedina-Moretti A. Les Russes à Paris en 1814 // La Corse, la Méditerranée, et la Russie. Seizième Journées Universitaires d'Histoire maritime de Bonifacio. Ajaccio, 2015. P. 131–139.

Goubina M. La perception réciproque des Français et des Russes d'après la littérature, la presse et les Archives 1812–1827. Thèse pour obtenir le grade de Docteur de l'Université Paris IV. 2007. [Электронный ресурс] – URL: http://www.theses.paris-sorbonne.fr/these_goubina/paris4/2007/these_goubina/html/index-frame s.html.